

✦ Профессиональное кредо

Интервью с академиком Е.М. Бабосовым

Уважаемые читатели!

Представляем Вашему вниманию материалы интервью с академиком Е.М. Бабосовым, человеком, известным своими работами далеко за пределами Белоруссии и стран СНГ. 23 февраля ему исполнилось 75 лет. Редакция журнала «Личность. Культура. Общество» не оставила своим вниманием это большое событие (см. поздравление с юбилеем в данном выпуске). От имени научной общественности России, а также редакционного совета и редколлегии юбиляра поздравил главный редактор журнала, профессор Ю.М. Резник. Он вручил ему адреса Института философии РАН, Российского института культурологии, Института социологии РАН и диплом почетного члена Российского общества социологов. Интервью с Е.М. Бабосовым состоялось 24 февраля 2006 г. в Институте социологии Национальной академии наук Белоруссии.

Ю.М. Резник: Евгений Михайлович, Вы первый человек, у которого я беру интервью в Белоруси. Меня интересуют, в первую очередь, следующие вопросы:

- как Вы пришли в социологию и вообще в науку;
- Ваше отношение к кризису мировой социологии;
- о возможности теоретических (фундаментальных) исследований в отечественной социологии;

- участие в создании и организации ССА;
- разработка исследовательских направлений по философии и социологии;
- организация деятельности Институты философии и социологии;
- организация собственной научной школы;
- Ваше отношение к журналу «Личность. Культура. Общество»?

Евгений Михайлович, Вы занимались долгое время философией и социологией. Как Вы считаете, Вы кто больше — философ или социолог? Или, возможно, культуролог, политолог и конфликтолог? Может быть, Вы считаете себя гуманитарием?

Е.М. Бабосов: Я, безусловно, отношусь к числу гуманитариев. Мне приходилось всерьез заниматься и философией, и религиоведением, и социоло-

гией, и культурологией. Опубликовал работы, находящиеся на стыках с психологией, экономикой и политологией, в частности, три книги по конфликтологии, учебные пособия для вузов “Экономическая социология” и “Политология”. Но прежде всего, я — философ, именно с философских методологических позиций подхожу к решению всех научных и преподавательских проблем. Но всегда в центре моего внимания были и остаются проблемы человековедения, поэтому, если смотреть на поставленный вами вопрос с широких позиций, я — философ и гуманист.

Ю.М.: Евгений Михайлович, как Вы оцениваете теоретическую ситуацию в современной социологии? Есть ли у российской и белорусской социологии шанс выйти на мировой уровень разработки собственной теории? Каково место белорусской социологии в мировой социологии?

Е.М.: Мне представляется, что мировая социология находится в настоящее время на историческом переломе. Свойственный ей полипарадигмальный характер, когда сосуществуют рядом друг с другом, взаимодействуют, а нередко и конкурируют, подвергая жесткой критике соперников, множество парадигм, в условиях глобализации мира, переходящего в стадию постиндустриального, информационного развития, подталкивает к необходимости разработки синтетической мегапарадигмальной социологической теории. Речь идет о своего рода современной философии социологий. Эта задача настолько масштабна, что ее трудно, невозможно решать в контексте развития какого-либо одного социологического направления. Необходима интеграция усилий многих таких направлений. В этом могут и должны принять активное участие представители как российской, так и белорусской (добавлю — обязательно и украинской) социологии. Для этого у нас имеются неплохие шансы, главное — их не упустить. Многие из мэтров нашей социологии слишком часто превозносят достижения западных социологов, оказывая в этом плане значительное влияние и на социологическую молодежь. Между тем и в России, и в Беларуси в последние несколько лет появились интересные социологические инновации, способные вывести русскую и белорусскую социологию на мировой уровень. Самое важное — их увидеть, правильно оценить и своевременно поддерживать.

Ю.М.: Евгений Михайлович, Вы занимались многие годы научно-организационной деятельностью. В частности, Вы входили в Президиум ССА и сделали много для организации белорусского социологического сообщества. Что изменилось в организации социологического сообщества за последние пятнадцать лет? Появились ли, с Вашей точки зрения, новые лидеры сообщества, обладающие хорошей фундаментальной подготовкой и организаторскими способностями, а главное — способностью консолидировать сообщество, предложив ему новую научно-исследовательскую программу?

Е.М.: В организации социологического сообщества на постсоветском научном пространстве, к сожалению, больше утрат, чем находок и приобрете-

ний. Стали эпизодическими, редкими контакты российских, белорусских, украинских социологов. Превратились в единичные совместные проекты социологов этих трех братских стран. Стало больше организационной неразберихи, но меньше кооперирования и интеграции исследований. А новые лидеры сообщества появляются и не могут не появиться. Только пока не видно заметных фигур, способных консолидировать социологическое сообщество, предложить ему новую научно-исследовательскую программу.

Ю.М.: Евгений Михайлович, какие бы основные направления своей научной деятельности Вы бы выделили? И вообще рискну задать прямой вопрос: в какой из отраслей философии и социальной науки Вы считаете себя пионером? Что Вам удалось за ряд десятилетий внести нового в развитие фундаментальных и прикладных исследований? Одним словом, как Вы оцениваете свой личный вклад в разработку современной социальной теории?

Е.М.: Трудно, да и нескромно заниматься самооценкой. Однако рискну сказать, что заметную роль в развитии нашей научной дисциплины сыграли мои работы по социологии катастроф, социологии конфликтов, по социально-стратификационным трансформациям постсоветского, в частности белорусского, общества.

Ю.М.: Евгений Михайлович, Вас знают как крупного руководителя, начинавшего свою деятельность еще в партийных и комсомольских организациях. Затем Вы руководили академическими институтами больше 15 лет. Что Вы можете сказать о своем организационном строительстве? Что Вам удалось и что не удалось сделать на посту директора и руководителя академических структур? О Вас, как и о каждом человеке, имеются самые разные отзывы — от восторженных до негативных. Кому-то Вы помогли, кого-то обидели. Как говорится, всем не угодишь. Скажите, если бы вы сегодня начинали снова создавать Институт социологии, чтобы Вы сделали по-другому, в кадровом и научном вопросах?

Е.М.: Если бы мне пришлось сегодня начинать снова создавать Институт социологии в Национальной академии наук Беларуси, я бы гораздо больше внимания уделил исследованию фундаментальных проблем, решение которых предопределяет основные тренды развития нашего общества, а также более активному приобщению к занятиям социологией перспективной молодежи.

Ю.М.: Евгений Михайлович, Все-таки можете Вы определенно сказать, что у Вас есть научная школа? Если да, то уточните, пожалуйста, понятие школы. Что это — объединение исследователей, разделяющих Ваши идеи и признающих Вас в качестве несомненного лидера? Или круг близких по духу Вам людей, обязанных Вам своей научной карьерой (защитой диссертации, продвижением по службе)? Или что-то еще? Могли бы Вы назвать имя Вашего настоящего и главного последователя, т.е. того, кто продолжает в настоящее время дело Вашей жизни?

Е.М.: Многие говорят, да и в публикациях о Национальной академии наук Беларуси отмечалось, что существует социологическая школа Бабосо-

ва. Сам я к понятию «научная школа» отношусь достаточно скептически. Под моим руководством защищено 64 кандидатских и 18 докторских диссертаций. Было бы опрометчиво и смешно назвать всех их авторов представителями одной определенной школы. Конечно, школа в науке включает в себя и последователей своего лидера, и тех, кто защитил под его руководством диссертации. Главное, однако, не в этом. Есть немало людей, в том числе докторов наук (среди них и член-корреспондент НАН Беларуси), которые неоднократно принародно называли меня своим учителем. Для определения границ достаточно неопределенного понятия «школа в науке» важно не то, кого и сколько людей ты назовешь своими учениками, а то, кто тебя сам считает и называет своим учителем. А настоящий ученик, если он творческая личность, должен сделать нечто существенное, оригинальное, отличающее его от учителя (как, скажем, Хайдеггер по отношению к Гуссерлю), следовательно, превзойти его в науке. Пока такого преемника у меня, к сожалению, нет.

Ю.М.: Евгений Михайлович, в свой юбилейный день Вы сделали вдохновенную речь, в которой все же прозвучали пессимистические нотки. Вы всегда удивляли меня своим оптимизмом и свойством быть самим собой в любых обстоятельствах. Ведь нужно иметь большое мужество, чтобы в нашей жизни быть таковым. Как Вам это удается?

Е.М.: Если говорить о пессимизме, то здесь надо дать небольшое пояснение. Вообще-то я человек оптимистичный и верю в будущее. Сейчас я уверен, что это не погода нам улыбается, а общество светит пока еще оптимистично. Нельзя не быть оптимистом, иначе я, например, не дожил бы до этого возраста.

А теперь о том, почему звучат порой нотки пессимистичности. Дело в том, что свою речь я не готовил, просто говорил как на духу. И когда я выслушал множество приветственных выступлений, мне вдруг захотелось исповедаться, как у священника. И у меня возникло такое ощущение, что я исповедовался. Там было много моих друзей еще со студенческих лет. Жизнь у всех складывалась по-разному. А вообще, чтобы было понятно, я много читаю. В основном, когда мне плохо, читаю Достоевского. Я убежден, что глубже него в мире писателя нет. Его не случайно признали на Западе. Когда читаешь Достоевского, его размышления о красоте, то лишний раз убеждаешься, что не «красота спасет мир», а «мир красотой спасется». Никакой человек не спасет свою страну, а сам «мир», т. е. все сообщество может ее спасти через красоту духовную, нравственную и физическую. В связи с этим я и произносил свою исповедальную речь. Мне хотелось пообщаться со своими друзьями так, как это делают наедине. Я ведь частично исповедовался, поэтому были и нотки пессимизма человека, который уже немало лет прожил и видел много не только хорошего, но и плохого. А в целом я очень оптимистичен, потому что в жизни много прекрасного.

Ю.М.: Но вернемся к вопросу, как Вам удается быть самим собой. Как Вам удавалось, пройдя через многие годы, через тернии, и занимая крупные посты в

комсомольских органах, партийных, и в Академии наук, сохранить свою самость? Вы были далеко не последний человек. Как на разных этапах своей жизни Вы смогли остаться самим собой, уделять внимание не только любимой работе, но и женщинам, даже не скрывая это. Ведь нужно было под многое (и многих) подстраиваться и избегать соблазнов.

Е.М.: Соблазнов было не слишком-то и много. Были карьерные соображения, которые я отменил когда-то, и не жалею об этом. Самый большой соблазн — пост заведующего сектором философии и права ЦК КПСС. Это — очень высокая должность. Моя жена не хотела, чтобы я уехал в Москву. Ее убедительные слова в то время просто обезоружили меня. И я решил отказаться от этого предложения.

Другой случай. Я работал на ответственной должности в ЦК Компартии Беларуси, был доктором наук, лет мне тогда было немного за сорок, и меня хотели назначить ректором Минского государственного педагогического университета. Я прошел собеседование, но меня терзали сомнения. В итоге меня уберегли от этой должности. П. М. Машеров предложил мне на выбор: должность директора Института философии или пост Министра культуры. Но убедил меня заняться научной работой. И вот за это время поменялось уже пять министров и их уже никто не помнит, а вот Бабосова помнят. Я понимаю, что сделал правильный выбор, мне помогли в этом моя жена и Петр Минович Машеров. Сегодня я нисколько не жалею о том, что не пошел ни по линии министерской, ни по ректорской.

Ю.М.: Но ведь эти соблазны были связаны с выбором жизненного пути, карьеры, стратегии. И на таком переломном, принципиальном моменте Вашей жизни Вы все же выбрали философию. Я имел в виду соблазны, которые поступают к Вам каждый день, начиная от молодых девушек и заканчивая «подковерными» играми в академических кругах, когда Вас пытаются на что-нибудь подбить, на кого-нибудь наговорить, кого-то выжить и т.д.

Е.М.: Мне приходится до сих пор с этим справляться, но сам выжил и никого при этом не выжил. Возможности были, и была поддержка.

Ю.М.: Теперь несколько вопросов о ситуации в Академии наук. И в Москве, и в Минске имеется только два академика по социологии, там — Г.В. Осипов, здесь Е.М. Бабосов. Означает ли это, что нового академика по социологии при их жизни уже не будет?

Е.М.: О Москве не могу сказать. У меня есть там друзья философы-академики — Ойзерман, Степин, Гусейнов, которые хорошо живут. Я сам академик по философии, хотя и занимаюсь в последние четверть века социологией. Я считаю, что нужен академик по социологии, чтобы возглавить данное направление.

Ю.М.: А есть ли сегодня ученые в Белоруссии, которые могли бы претендовать хотя бы на члена-корреспондента по социологии?

Е.М.: У нас на последних выборах в Академии на пост члена-корреспондента по социологии претендовало шесть человек, но ни один из них не

прошел. Здесь имеются кроме амбициозности и притязаний самого социолога еще и процедурные сложности. Есть конкурсная комиссия, которая решает, кто достоин, а кто нет. Существуют также групповые интересы, личные симпатии и антипатии. Все это сказывается на результатах выборов. Сегодня на эту должность в Белорусской академии могут претендовать 5-6 человек даже из нашего института. Еще раз повторяю: есть люди, которые могут претендовать, но вопрос, пройдут ли они все этапы отбора?

Ю.М.: В связи с этим хочу спросить Вас: не стали ли подобные выборы в Академию наук анахронизмом, который уже исчерпал себя?

Е.М.: Сказать, что это анахронизм, я не могу. Все-таки считаю, что Академия наук пока еще имеет свои возможности, ресурсы и интеллекты. Она представляет собой сосредоточие самых продвинутых, толковых людей и в этом качестве еще не исчерпала себя. Что же касается процедуры выборов, то у нас с большим трудом прошла такая запись в Уставе, что на члена-корреспондента Академии выдвигаются люди не старше пятидесяти лет. Конечно, запись хорошая, но она пока не реализована на практике, потому что работает инерция «не пускать»: вот мы прошли, а тот пусть помучается. Анахронизма нет, но осталась пока большая инерционность.

Ю.М.: А Вы не считаете, что выборы по сути своей недемократичны, потому что выдвигать могут разные научные коллективы и институты, а вот принимать решение, голосовать, т.е. окончательно определять, кто станет членом-корреспондентом или академиком, будет узкий круг?

Е.М.: У нас хотели это изменить. Чтобы членов Академии выбирали не только сами члены-корреспонденты и академики, а все работники Академии: все директора и представители научной общественности. Но все пока осталось по-старому.

Ю.М.: А вот скажите, пожалуйста, если бы сегодня академиков лишили каких-либо льгот, доплат, высокого статуса, то имела бы тогда такая Академия наук для них смысл?

Е.М.: Я думаю, что имела бы. Если академиком, членкорам и другим людям с учеными степенями повысят зарплату, то никто из соображений материальной выгоды не стал бы стремиться в академики, а вот престижность быть членом этого учреждения по-прежнему представляет собой большой соблазн. Соблазн — чтобы тебя признали — есть у любого. Человеческая слабость рождена слабостью человеческого духа, а иногда и силой его. Человек нуждается не только в самоутверждении, но и в признании.

Ю.М.: А что важнее для Вас: самореализация в жизни или социальное признание?

Е.М.: Конечно, самореализация. Потому что я должен сам быть доволен собой. Вот напишу книгу, выпущу, а потом думаю, что сейчас написал бы многое по-другому. У меня имеются некоторые книги, которые на выставках я не выставляю. Книга «Духовный мир советского человека» — нормальная,

но я не выставляю ее, а вот «Диалектика анализа и синтеза в научном познании» — это вечная проблема, и я ее выставляю. Просто есть какие-то опасения: а надо ли ее выставлять? Не нужно выставлять все напоказ, что-то должно остаться недоступным, чтобы люди догадывались о том, что есть что-то еще.

Ю.М.: У меня возник вопрос в связи с вашим изречением вчера на торжественном заседании: «Если вы думаете, что все так просто, захотел — написал книгу, захотел — стал директором института. И Вы правильно сказали, что это далеко не так, каждый шаг в науке, в самоутверждении — это кропотливый и самоотверженный труд. Вас действительно отличает огромное трудолюбие. Остается только удивляться тому, когда Вы только все успеваете?»

Е.М.: У меня нет секрета. Я использую каждую минуту для работы. Когда я ехал в автобусе на встречу с Вами, то достал текст, который я буду издавать, и стал его вычитывать и настолько увлекся, что чуть не уехал дальше.

Ю.М.: А как Вы сочетаете научную и личную жизнь? Удастся ли Вам достичь гармонии между ними?

Е.М.: Раньше все было в моей жизни более гармонично, так как, наверное, было больше сил. Кроме того, что я занимался спортом, меня очень увлекала философия: Гегель, Кант, Фейербах и т.д. Была и общественная деятельность: я участвовал в студенческой самодеятельности, был оратором на фестивалях — Московском, Венском, был очень активным в комсомоле — делегатом съездов ВЛКСМ, слушал выступления Хрущева и Брежнева на съездах. Я был знаком со многими удивительными людьми, например, с академиками М.В. Келдышем, П.Ф. Александровым, Н.Н. Моисеевым, Патриархом Московским и всея Руси Алексием, даже с Толкоттом Парсонсом. А говорю я это к тому, что сочетание одного и второго должно быть. Последнее время меня увлекает женская поэзия, потому что никто не напишет о любви, о хрупкости женского счастья лучше Ахматовой, Цветаевой и других женщин-поэтов. Я люблю также классическую музыку.

Ю.М.: Какую роль сыграли женщины в вашем философском продвижении? Они к чему-нибудь Вас вдохновили?

Е.М.: Да. Я говорю, что меня многому научил Александров. У женщин же я научился обостренному восприятию жизни, совершенно непостижимому для многих мужчин. Я научился всепоглощающему чувству любви. Как известно, большинство разводов случается по вине мужчин, которые не способны к таким чувствам. А многие женщины полностью отдаются любви. На безоглядную любовь способны только они.

Ю.М.: А Вы не идеализируете женщин?

Е.М.: Нет. Я достаточно хорошо их знаю и многих знаю лично, включая Елену Образцову, Элину Быстрицкую, Александру Пахмутову. Есть потрясающие женщины, которые могут сто очков дать любому мужчине.

Ю.М.: Скажите, Ваши личные связи мешали Вам в решении вопросов науки?

Е.М.: Никогда.

Ю.М.: То есть Вы умели переводить их на второй план?

Е.М.: Я мог провести много времени с женщиной, и это меня не угнетало, а наоборот, только вдохновляло. Я мог после этого прийти домой, сесть и написать что-нибудь такое, что в другой раз никогда не написал бы.

Ю.М.: А эти женщины не пользовались Вашим положением, не решали какие-нибудь свои вопросы?

Е.М.: Решали, правда, не обязательно через постель. Я чувствовал, что она проявляет ко мне интерес, и у нас разница в возрасте лет тридцать, думал: а что ей от меня надо? На этой мысли я часто себя ловлю и огромное количество соблазнов пресекаю, потому что я человек достаточно известный в Минске; и есть диссертация, оппонирование которой для меня ничего не стоит, а ей стоит очень много. И она готова предложить себя, но я не готов принять. Не потому что я не хочу, а потому что думаю, что не должен покупать ее, ведь купленная любовь — это не любовь.

Ю.М.: Поговорим насчет Вашего юбилея. Это трудное для Вас время и одновременно тяжелое бремя. Еще неизвестно, что будет в Вашей жизни дальше. Скажите, какой у Вас сейчас сформировался исследовательский замысел?

Е.М.: У меня есть, прежде всего, философский замысел: написать «Философия культуры в лицах: 33 портрета» — 33 эссе: Шопенгауэр, Ницше, т.е. те, о которых мы еще недавно не знали и которым нас учили по поверхностным и чаще всего необъективным книжкам. Это Френель, Юнг, Фромм, Хайдеггер, Ясперс, Сартр, Камю, В. Соловьев, Н. Бердяев и др. Быть в науке — это очень трудоемкая работа.

Второй замысел: я пишу свой собственный социологический словарь. Я считаю коллективные книги «братской могилой», все, что было, сбросили и издали «насыпью». Сначала я издам словарь, а затем «Философию культуры». А это 33 портрета, потому что Христу было 33 года. Хотя мы воспитывались в духе атеизма, я все-таки много читаю литературы по философии и религии и писал книги о религии. 33 портрета выдающихся людей, внесших колоссальный вклад в развитие культуры, этот замысел — в соответствии с духом вашего журнала.

Ю.М.: Вы академик, человек известный. Что Вам дает силы и дальше так энергично заниматься научной работой? Может быть, Вы придумали для себя новую формулу жизни или открыли секрет успеха?

Е.М.: Это моя жизненная потребность. Иногда приду домой, уставший, сяду и начну читать, того же Фромма. Потом только понимаешь, что он дошел до этой мысли, а я нет. И думаешь, можно ли это изложить какими-нибудь своими словами, но чтобы это был все-таки Фромм, а не Бабосов. Еще мне очень нравится Альбер Камю. Удивительной судьбы человек. Это люди удивительных и иногда трагических судеб. Вспомним хотя бы великую личную трагедию и великую силу духа Фридриха Ницше. Они же все трагические личности, за некоторым исключением. А вообще великих людей нетрагических не бывает.

Ю.М.: А Вы себя считаете «великим человеком»?

Е.М.: Нет. Я даже в письмах и расписаниях занятий чаще всего не подписываюсь как академик, иногда как профессор. Я считаю, что профессор университета — это самое высокое звание, а академик ты или нет — это второй вопрос.

Ю.М.: В заключение хочу попросить Вас сказать о том, что Вам нравится и не нравится в нашем журнале. Почему Вы согласились поддержать этот научный и издательский проект и принять в нем деятельное участие, став Председателем Национального редакционного совета Беларуси? Ведь он не обладает даже долей конъюнктурности. К тому же, фигура (или персона) Ю.М. Резника в российских академических кругах не всех устраивает. Некоторые влиятельные лица питают ко мне весьма не самые лучшие симпатии и чувства. Что же побудило Вас занять собственную позицию по отношению к журналу и его главному редактору?

Е.М.: В вашем (и нашем) журнале мне нравится его своеобразное, интересное и квалифицированное освещение актуальных проблем философско-социологически-культурологического знания. Нравится подборка произведений из классического наследия. Нравится ряд других рубрик. Не нравится медленное и, как мне кажется, весьма робкое расширение авторского контингента. Все положительное в работе журнала и побудило меня занять собственную позицию по отношению к журналу и его главному редактору. А если кто-то по отношению к кому-то не испытывает симпатий, так ведь это дело сугубо личное, и через его призму в высшей степени неинтеллигентно и несправедливо оценивать нужные и полезные действия, которые осуществляет журнал на ниве гуманитарного знания, его творческого развития.

Ю.М.: Скоро, очень скоро пройдут юбилейные торжества и начнутся обыкновенные рабочие будни. Что Вас будет согревать в ближайшем будущем — слава, восторженные мнения людей или что-то еще? С чего Вы собираетесь начинать следующий понедельник? Есть ли у Вас новый научный проект?

Е.М.: В ближайшее время меня будет согревать осознание того, что я делаю что-то полезное в той сфере деятельности, которой я посвятил почти всю свою жизнь. Самое важное — чувствовать, что ты и твои дела кому-то интересны и нужны. А ближайший понедельник будет посвящен (кроме лекций для студентов) завершению работы над социологическим словарем. Надеюсь, что некоторым профессионалам, а особенно нашим взыскательным студентам и аспирантам, он будет полезен. А если говорить о новом научном проекте, к которому собираюсь приступить в ближайшей перспективе, то очень хочется начать философское осмысление современного состояния социологии, т.е. заняться тем, что можно назвать «философией социологии».

Ю.М.: Евгений Михайлович! Огромное Вам спасибо за откровенный и честный разговор. Уверен, что нашим читателям будет интересно больше узнать о Вас как человеке и ученом.